

The illustration depicts a woman from behind, wearing a traditional brown and red dress with a long, dark braid that ends in a tall, black, pointed headdress adorned with gold tassels. She gazes over a fantastical landscape. In the foreground, a blue river flows through a valley. In the middle ground, a colorful, fairytale-like town with a central white temple-like building is situated. The background features rolling mountains under a sky with soft, pinkish clouds. A large eagle with its wings spread is flying in the upper left corner.

Юлия Ефимова

ПРОКЛЯТИЕ
ПРИНЦЕССЫ АЛТАЯ

МИССИЯ: ДИЛЕТАНТ

18+

Юлия Сергеевна Ефимова
Проклятие принцессы Алтая
Серия «Миссия Дилетант», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69212824

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-91540-4

Аннотация

Расследовать убийство, найти странно исчезнувшую девушку и попутно спасти мир – вот задача для новой группы Дилетантов. Система, придуманная профессором Савелием Сергеевичем Штольцем, до сих пор работала безупречно, а люди, далекие от сыска, легко расследовали любые, даже самые сложные преступления. Но поездка на плато Акон в горный Алтай грозит обернуться провалом. Почему? В парке отдыха «Создатель» все не то, чем кажется на первый взгляд. И только принцесса Алтая невидимым присутствием в который раз спасет этот мир, с достоинством неся свое проклятие.

Содержание

Пролог	6
За неделю до описываемых событий	8
Глава 1	15
Глава 2	35
Глава 3	41
Глава 4	52
Глава 5	63
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Юлия Ефимова

Проклятие принцессы Алтая

Дорогой читатель, в этой книге нет правды, всё что здесь описано – фантазии автора.

Любые совпадения случайны, будь то люди, место действия, события – всё едино.

Автор написала приключенческую книгу для отдыха, а не научный доклад.

Помни об этом, пытливый читатель, когда будешь погружаться в мир книги.

Не ищи ошибки и неточности, а просто наслаждайся историей.

Хуже пустоты лишь пустота,
Вакуум, где ни чувств, ни сожалений.
Жирной строчкой красная черта,
Отрезающая нужность мнений.

В ней не слышно звуков только стук,
Мыслей карусель крутая.
И один единственный недуг,
Вязкость тишины сплошная.

Хуже пустоты лишь пустота,

Эхом отвечающая правда.
И таблетка мира – доброта,
Лишь надежда на другое завтра.

Человек гниет от пустоты,
От неё он воеет волком серым.
Только полуночные мечты
Немного помогают полумерой.

Местами поменяется, что ценно,
Прощается за веком век.
Но лишь одно останется бессменно,
Человеку нужен человек.

Пролог

Дайте человеку цель, ради которой стоит жить, и он сможет выжить в любой ситуации.

Иоганн Вольфганг Гёте

Зина висела над пропастью, у которой не было видно дна, под ее болтающимися ногами словно простиралась черная космическая дыра. Руки не выдерживали, и она понимала, что у нее, в лучшем случае, секунд тридцать. Это только киношные герои могут по несколько минут висеть над пропастью, а потом еще внезапно набраться сил и, подтянувшись, вытащить себя на поверхность. В жизни всё по-другому – она не провисела и полминуты, а руки уже затекли и пальцы отказывались слушаться.

Как там обычно в книгах: у героя «вся жизнь перед глазами пробежала»? Так вот, это тоже неправда, никакой киноленты у Зинаиды Звягинцевой не случилось, только злость и досада, а еще горький привкус поражения – не смогла, не разгадала, не предвидела, подвела.

«Как же страшно умирать» – эта мысль пульсировала в голове, не пропуская другие, возможно, спасительные мысли. Пальцы всё еще секунда, и пальцы разожмутся, она потеряет опору. «Даже тридцать секунд не продержалась», – зло констатировала Зина и зажмурилась.

– Хватайся! – услышала она мужской крик и взглянула вверх. Там человек, опираясь на одну руку, другую протягивал ей для спасения.

«У меня галлюцинации», – подумала Зина и, расслабившись, полетела вниз.

За неделю до описываемых событий

Заседание закрытого клуба «Золотое крыльцо»

Высшая ложа

Тёмная комната с высоким потолком была знакома всем присутствующим, и все же начало заседания в сотый раз вызывало у каждого трепет и ощущение собственного величия. В одно мгновение стены словно бы исчезали, и люди в огромных золотых креслах чувствовали себя восседающими на облаке. Планета мелькала названиями стран и городов где-то там, внизу, маленькая и ущербная, потому что именно они, эти шестеро решали ее судьбу – здесь и сейчас.

Конечно, это был всего лишь эффект от огромных мониторов, транслирующих нужную картинку, но всё же зрелище было завораживающее.

«На златом крыльце сидели... – зазвучал металлический мужской голос. – Царь, – назвал он первого по статусу участника заседания.

С самого большого кресла встала фигура в плаще с капюшоном и в золотой маске и немного наклонила голову в знак приветствия.

– Царевич, – объявил металлический голос второго по рангу в иерархии «Золотого крыльца».

С кресла поменьше поднялась такая же безликая фигура и поприветствовала коллег, помахав рукой в белой перчатке.

– Король, – прозвучало следующее имя, и с места встал третий член совета.

– Королевич.

Четвертый приветствовал окружающих уже не так надменно, как предыдущие, а слегка поклонился, что означало принятие более высокого положения названных ранее.

– Сапожник.

Пятый встал еще до своего представления и не стал кланяться, в отличие от Королевича, а поднял указательный и средний пальцы, продемонстрировав латинскую букву V.

– Портной, – закончил перечень членов клуба металлический голос, но с шестого, самого маленького золочёного стула никто не встал, потому как он был пуст.

– А где у нас Портной? – спросил Царь.

Маски были изготовлены по типу итальянской мас-

ки Баута и особым образом меняли голоса. Но даже сквозь помехи можно было смело предположить, что Царь – женщина.

– Портной лично контролирует операцию «Драгоценность», ради которой мы сегодня, собственно, и собрались, – поспешил доложить Королевич, хотя, согласно субординации, это должен был сделать Сапожник. Было заметно, как Королевич пытается понравиться Царю.

– Мне кажется, мы достаточно вложили средств, – вступил в разговор Царевич, тоже заняв свое место, – чтобы не переживать о результате.

– Деньги не всё решают, – сказал громко Сапожник и круто выматерился.

– Прекратите сейчас же! – возмутился Королевич. – Здесь женщины.

– Ну, во-первых, – весело ответил Сапожник, ничуть не смутившись, – у нас здесь все бесполое, мы инкогнито. А во-вторых, я – Сапожник, мне по статусу положено. – Он расхохотался.

– Что вы имели в виду, когда сказали, что деньги не всё решают? – перебил их Царь.

– Потому что есть еще, мать его, человеческий фактор, и один придурок сбежал.

– Как? – испуганно спросил Королевич и нарочито охнул.

– Ногами, – отозвался Сапожник и снова крепко выругался.

– Его нужно немедленно найти, – сказал Король жёстко.

– А я вот всё думал, искать или нет? – сыронизировал Сапожник.

– Как вы вообще разговариваете! Попрошу вас соблюдать субординацию, – потребовал Королевич визгливо.

– Чушь это всё, – возразил Сапожник. Он подумал, что Портной, пришлый на самом деле человек, здесь самый толковый и надо бы его двигать, убрав этого визгливого Королевича. – Пока мы здесь играем в тайное общество, вся операция под угрозой срыва, и годы исследований могут пойти коту под хвост. А ведь мы вложили столько сил и средств!

– К нам влез кто-то из масонов? – предположил Царевич.

– Может, и из масонов, хотя они тоже чересчур занеслись и настоящие дела перестали их интересовать. Масоны сейчас – это игрушка для богатых, а не по-настоящему влиятельное общество. «Полярная звезда» или «Красный дракон» – вот эти две хоть и относительно молодые организации, но набирающие обороты. Они работают и работают в поте лица. Если выкрадут наши сведения о «Драгоценности» – всё, мы

потеряем шанс стать действительно конкурентоспособными, – заявил Сапожник. – Сейчас мы для них никто, так, сборище богачей, играющих во власть. Для того, чтоб встать с ними на один уровень, нам нужен козырь в рукаве, желательно, сильный и работающий. Такой, чтобы не оставил ни у кого сомнений: появилась новая сила, которая будет править этим миром и заставит считаться с собой. Ваши дурацкие маски, кресла и мониторы – всё это мишура. Когда я пришел к вам тридцать лет назад с идеей, то надеялся, что мы сможем влиять на мировые процессы и хоть как-то установить баланс сил добра и зла. В первую очередь я надеялся, что мы будем добром, а мы просто богатые лопухи, которые тешат свое самолюбие, представляя себя всесильной организацией. Я скажу вам одно... – Он опять пропустил крепкое матерное словцо. – Если эта операция провалится, я уйду из вашего балагана и выведу весь свой капитал. Я слишком стар, чтоб играть, мне хочется сделать что-то нужное для этого мира.

– Ну, что же, значит, будем искать нашу драгоценность, – немного подумав, ответил Царь. – У нас есть человек с подходящим опытом, надо его подключить...

– Не надо, – резко прервал его Сапожник. – Я сам всё сделаю, Портной уже почти нашел ее, дальше

вступаю я.

В зал внесли высокие бокалы с напитками.

– За успех, – произнёс тост Царевич, подняв свой бокал.

В тишине зала послышался звук падающего тела. Это Сапожник, едва отпив из своего бокала, рухнул навзничь. Человек, который принёс поднос с вином, подошёл к телу, пощупал пульс и очень спокойно произнёс:

– У Сапожника сердечный приступ, возраст, так бывает.

После данного вердикта внимание собравшихся обратилось на человека, который сидел на самом большом троне, словно бы именно он должен был подтвердить сказанное.

– Мы не играем в тайное общество, – спокойно сказал Царь, подойдя к телу. – Именно на этом держится наша власть и наше превосходство. У нас есть деньги, должности и люди в разных концах света, купленные или запуганные. Мы можем влиять на биржи и даже на войны и революции. Единственное, в чём мы уступаем, – это обладание высшей силой. После того, как мы вернем свою *драгоценность*, мы сможем потягаться даже с масонами, которые очень гордятся своим, надо сказать, доставшимся им на халяву от тамплиеров наследством. Наша *драгоценность* после де-

сятилетий исследования, может поспорить с их артефактами, а возможно, даже победить. Я уверен... – В клубе было принято, чтобы все члены говорили о себе в мужском роде. – Уверен, что после того, как *драгоценность* окажется у нас, уже никто не сможет просто отмахнуться от «Золотого крыльца». А эти замшевые масоны и выскочки из «Звезды» и «Дракона» тихо уйдут в небытие, признав наше превосходство, предаваться воспоминаниям и смахивать пыль со своих раздутых амбиций.

В тишине было слышно, как тяжело дышит испуганный Королевич.

– Скажите Портному, что он теперь Сапожник, – устало велел Царь. – А Портного выберем позже.

Собравшиеся разошлись. Они так и не узнали одну важную деталь, которую хотел сообщить им убитый Сапожник: есть вероятность, что *драгоценность* уже уничтожена.

Глава 1

Все наши знания берут начало в нашем восприятии.

Леонардо да Винчи

– Вы меня не слушаете, – заметил мужчина обижено, и Зинка мысленно с ним согласилась, но вслух сказала:

– Нет-нет, продолжайте.

Сколько она перевидала таких городских сумасшедших за три года, пока возглавляла агентство «Дилетант», наверное, уже и не сосчитать. Она привыкла абстрагироваться, выслушивая их фантастические истории. Как ни придумывали они с Алексеем, ее правой рукой, и Эндрю, лучшим айтишником современности, фильтр, чтобы подобные личности не попадали на прием, ничего не помогало. Обязательно хоть раз в месяц, но такой ненормальный просачивался к ним в приемную, используя для этого всевозможные уловки. К примеру, этот мужчина весьма приличный с виду, видимо, был вполне адекватен на видеообращении, раз его пригласили в «избу». Номер телефона их агентства передавался исключительно от клиента к клиенту, и потому предполагалось, что сарафанное радио «среди своих» должно отсеивать ненужные контакты, но это не всегда срабатывало. Тот, по чьей рекомендации сюда попал этот профессор, был вполне разумным чело-

веком, которому месяц назад группа «Дилетант» очень помогла, но вот его рекомендация не сработала.

Знал бы Савелий Сергеевич, дед Зинаиды, который и создал систему «Дилетант», что внучке после его смерти юридически придётся выслушивать такую вот чушь, то пожалел бы внучку и изобрёл что-нибудь для отбраковки клиентов, ведь он был гением.

Дед... Воспоминания о нем вновь резанули сердце. Кто говорит, что время лечит, тот безбожно врет. Оно не лечит просто потому, что это невозможно. Боль утраты – это не болезнь, это шрам на душе. В зависимости от того, насколько человек был вам близок, шрам может быть широким рубцом или тонким швом, но в любом случае он не исчезнет полностью, он с вами на всю жизнь. Дед был самым близким человеком для Зины, и потому шрам у нее был большим и уродливым, проходящим через всю душу. Как же ей не хватает его философских советов, когда он одними только рассуждениями мог решить любую Зинкину проблему.

Хотя именно сейчас Зинаида понимала, что никаких проблем тогда, по сути, и не было, были мелкие жизненные перипетии, не больше. Но ей, как и любому ребенку, они казались судьбоносными и неразрешимыми. Вот именно тогда на помощь приходил дед, вручал ей свою любимую кружку с крепким чаем, усаживал в огромное кресло в кабинете и говорил: «Знаешь, Зинка, я против грусти». Мир сразу же становился добрым, а дед, улыбался одними глазами так, как

умел только он, и этим ставил всё по своим местам.

«Как же его сейчас не хватает!» – в который раз уже мелькнула мысль в голове у Зины, и больно уколола. Зинка закопалась в своей уже отлаженной работе, жизнь шла по течению, в ее случае, тихом, почти убаюкивающим.

Зинаида очень гордилась, что не только не разрушила агентство «Дилетант», где правильно подобранные согласно психотипу люди в группе могут расследовать любые преступления, но и преобразовала агентство. Сделала она, конечно, это не в одиночку, а с помощью своих соратников и коллег Алексея и Эндрю, но всё же это произошло под чутким Зинкиным руководством. Получается, не подвела деда, так сказать, сдюжила. Когда это непонятное наследство рухнуло на нее, ей было всего двадцать два года, и хоть Зина не жила с папой и мамой, как другие, но все же дед со своей необъятной любовью вырастил девушку тепличным растением, эдаким цветочком на окне, за которым ухаживают, которое любят и лелеют. Комнатное растение не знает, что там, на улице есть сорняки, холод и злые люди, способные вырвать его из земли, просто так, потому что им сейчас захотелось. Дед был для нее лучше любых родителей.

Родители – это вообще большая тема Зины, которой она не любила касаться даже мысленно. Боль от потери деда была жгучей, такой же жгучей, как и любовь к нему, а вот от мыслей об отце и матери возникали ощущения, как будто ее обманули уличные мошенники. Вот ты доверился попро-

шайке, отдал последнее, только чтобы бедный человек поел или купил себе одежду, а он после паперти садится за углом в белый «мерседес» и катит в ресторан. Противно и стыдно.

До прошлого года Зина думала, что родители просто холодные по натуре люди, не любящую свою дочь, и занятые только своей работой. Бывает такой тип людей – неспособных на любовь, и здесь уже не важно любовь ли это к дочери, к родителям или к Родине, сердце человека просто ее не генерирует, не умеет и всё тут. «Инвалиды души» – так называл таких людей дед. Он говорил, что если обычных инвалидов жалко, и им надо помогать, то таким бесполезно. Вот и родители Зины уехали в Африку в командировку и забыли про дитя, оставленное на воспитание деду.

Их редкие возвращения домой воспринимались подачками, а последний приезд на похороны деда и вовсе визитом вежливости.

Но всё изменилось в прошлом году, когда Зина нечаянно столкнулась с женщиной как две капли воды похожей на ее мать. Женщину звали иначе, и она отказывалась признаваться в родстве, но именно тогда и была запущена страшная машина под названием «Кто я?»

Через своего товарища Эндрю, гениального хакера, Зина выяснила, что супруги Звягинцевы погибли в ЮАР, когда ей было пять лет, и вот это был уже настоящий удар. Она поняла, что ничего про себя не знает. Родные ли это ей люди, что приезжали раз в год, кто они деду? Кто они все Зине? Ино-

гда она смотрела на единственную совместную фотографию и пыталась разглядеть в людях, стоящих за спиной деда, хоть какие-нибудь похожие черты, но не находила.

С момента этого открытия прошел год, но Зина до сих пор не выяснила ничего нового, скорее всего, не хотела, а может, боялась.

«Я пытался» – отговорка неудачников или людей, не желающих идти дальше в выбранном направлении. Вот и она, когда заходил разговор о ее родителях, тихо говорила: «Я пыталась» и сразу закрывала болезную тему. Настоящие друзья в количестве трех штук всё понимали и сразу замолкали. Было видно, что им есть, что сказать, но они проявляли деликатность.

По сути, ее близкий круг сейчас ограничивался этими тремя людьми, с кем она и полетела на первый вызов группы «Дилетант» во Владивосток: Эндрю, компьютерный гений, аристократ Алексей и Матильда, лучший эмпат за всю историю агентства. Хотя нет, теперь этих людей четверо. В прошлом году у Моти и Алексея родился розовощекий бутуз по имени Александр (для близких просто Александр Первый), который хоть и пытался вырвать рыжие волосы Зинаиды, едва она брала его на руки, но был любим ею безмерно. Вот на этих четверых и замкнулась жизнь молодого шефа агентства «Дилетант».

К двадцати пяти годам она, как старушка, выстроила свою жизнь неопасным маршрутом и, тихо ступая, чтобы не

провалиться, шла по нему, боясь всего, что может причинить боль. Именно сейчас, слушая сумасшедшего посетителя, твердящего, что срочно нужно закрыть врата в Ад или не дать их открыть, поняла, что она настолько боялась своего собственного Ада, что намеренно сделала свой мир стерильным.

«Жизнь – это энергия, энергия – это река, поток событий и, главное, действий, – говорил ей дед когда-то. – Энергия должна течь, иначе она застоится и получится болото, которое затянет тебя. Никогда не останавливайся и не бойся ошибаться. Кто не ошибается, тот не живет».

В голове зазвучала песня, которую пел под гитару ей когда-то дед:

Если люди не ошибаются,
Значит, люди, увы, не живут;
У них всё хорошо получается,
В сумке паспорт, в квартире уют.

Если люди не ошибаются,
Сторонятся нелепых идей,
У них всё хорошо получается,
Они зонтик берут от дождей.

Если люди не ошибаются,
Жизнь течёт, как спокойный ручей.
У них плыть по нему получается,
Им не нужно бурных морей.

Но лишь те, кто всегда ошибаются,
Могут чувствовать жизнь на вкус;
Они в гору упорно взбираются,
Мечтая попасть на Эльбрус.

Они важный вопрос переломный
Оставляют на волю судьбе,
А сами, зонтик оставив дома,
Босиком идут по траве.

Они слабости человеческие
Всегда прощают себе.
Пожутив легко по-отечески,
Больше сил отдают борьбе.

Достижениями наслаждаются,
Проиграв, горько ревут.
Если люди не ошибаются,
Значит, люди, увы, не живут.

– Вот. – Клиент, Виталий Галопов, встал и из старого потёртого дипломата выложил на стол толстые пачки денег, чем выдернул Зину из пучины воспоминаний. – Меня предупредили, что у вас дорого. Но зато вы даёте результат почти девяносто девять процентов. Я уточнял, – зачем-то добавил он осторожно.

– Ну, не девяносто девять, – засомневалась в статистике

Зина, обдумывая, что же делать и как вежливо отказать посетителю, не слишком задев его воспалённое воображение. – Вы знаете, мы с Адом никогда не работали, боюсь, у нас может не получиться.

Галопов посмотрел на нее внимательно, вздохнул и, опершись локтями на колени, обхватил голову, словно она могла оторваться.

– Вы можете мне не верить, – тихо и почти по слогам произнёс он, не поднимая головы. – Возможно, они тоже не верят в Ад, тут главное, что они верят, будто драгоценности существуют, и их можно продать. Представьте, что эти искатели кладов могут натворить, веря во все это безусловно?

Зинке вдруг стало жаль несчастного, который, по его же мнению, хотел предотвратить катаклизм мирового масштаба. По сути, он верит, что спасает планету.

– Вы видите, что сейчас происходит в мире? – вдруг спросил ее посетитель и даже поднял голову, чтоб услышать ответ, глядя в ее глаза.

– Вижу, – коротко ответила Зина, стараясь не злить его.

– И вы думаете, что это всё просто так? – серьезно настаивал он.

– Ну, эпидемии и войны были на нашей планете всегда.

– Но не в таких масштабах, – покачал головой посетитель. – Мы стоим на грани катастрофы, слишком много зла было выпущено на волю, мир просто не справляется. Если же они откроют второй портал, а по сути, первый и самый

главный, то настанет Апокалипсис, конец света, если хотите. Парадные врата Ада. До этого, в 1993 году, была приоткрыта маленькая форточка, если говорить метафорами. Представляете размеры бедствия?

Он опять помолчал, словно подбирая каждое слово специально для Зины.

– В алтайском фольклоре, – негромко начал Галопов и даже закрыл при этом глаза, словно боялся, что девушка попытается его прервать, – есть легенда. Она гласит, что у подножья гор Табын-Богдо-Ола находился особый мир, второй слой небес, населенный «сынами Неба». По этой легенде, еще до прихода скифов здесь жили существа, пришедшие со звезд и обладающие сверхъестественными способностями. Принцесса Ак-Кадын была рождена от союза сына Неба и простой женщины. Она унаследовала от своего отца необычный дар, но при этом имела облик человека.

Зина хотела что-то возразить, но посетитель, по-прежнему не открывая глаз остановил ее взмахом руки.

– Не перебивайте меня, пожалуйста. Конечно, это всего лишь легенда, но дайте я вам расскажу до конца. Однажды сыны Неба, сев в пасть огнедышащего железного дракона, улетели. Они оставили охранять два портала в нижний мир именно Ак-Кадын, но не учли, что силы принцессы не сравнимы с тем злом, что ей предстояло сдерживать. Неимоверная мощь начала пробиваться сквозь ее защиту, и Ак-Кадын уже ничего не могла поделать, она начала сильно болеть, по-

нимая, что ее дни сочтены. Но недаром девушка была дочерью сына Неба: когда зло было уже готово выпрыгнуть на Землю и поглотить ее, принцесса придумала, как его остановить. Один портал, самый большой, смелая девушка запечатала своей самой большой драгоценностью, как говорится в легенде, оставленной ей самими богами. Есть предположение, что это артефакт, который может управлять временем – Анчамычаой. Название его трактуется как «некоторое время», то есть, то самое время, где человек как бы сошел со своей жизненной тропы, повернул не туда. Этот предмет мог вернуть любого человека в точку, где он ошибся, где есть возможность изменить свое решение и пойти по другой дороге, меняя свою жизнь и словно бы проживая ее заново.

– Удобная штука, – усмехнулась Зина. – Нажимаешь кнопку, ну, или что у него там, – и оказываешься на перекрестке семи дорог. На первой не получилось – пойду по второй.

– Этот предмет – чаша, напоминающая святой Грааль, просто сосуд, из которого надо глотнуть чистой воды. На Земле таких чаш семь, и упоминания о них есть в разных религиях, но я сейчас не хочу вас этим грузить. Человечество всегда хотело жить вечно, процветать, а еще мечтало вернуть прошлое, чтоб изменить будущее. Вот откуда вы можете знать, что именно вам приготовила судьба? Я не согласен и в вопросе применения этой чаши. А что, если вы измените свою судьбу не в лучшую сторону? Готовы ли вы пожертво-

вать воспоминаниями, имеющимися у вас сейчас? Ведь они утекут из вашей памяти, как горная река, очень быстро и безвозвратно. На самом деле, как любой артефакт, это сложный предмет, с которым нужно быть предельно аккуратным.

– Вы так говорите об этом предмете, как будто уверены на сто процентов, что он существует, – усмехнулась Зина, но, увидев выражение лица посетителя, тут же перестала улыбаться.

– Первый портал принцесса закрывала сама и потому сделала всё так, как учил ее отец, сын Неба, поэтому за него душа у нее была спокойна. Второй же портал, – продолжил посетитель, – который был не так огромен, она запечатала собой, принеся себя в жертву этому миру. За него она переживала больше всего, не доверяя собственным слугам. Для того, чтобы глупые люди не нашли и не открыли вторые врата, она приказала своим помощникам придумать обманку. Над ее захоронением было сделано еще одно погребение, и жалкие людишки, грабившие курганы, не догадались, что под захоронением простого слуги есть другое, и ограничились верхним. Всё изменилось в 1993 году, когда группа учёных-археологов нашла разграбленное захоронение, и руководительница экспедиции каким-то шестым чувством отыскала принцессу Ак-Кадын, закованную в лёд. В яме нижнего погребения был обнаружен сруб из лиственницы, перекрытый плотно подогнанными семью брёвнами. В лёд, заполнявший камеру, был вморожен деревянный саркофаг, за-

колоченный четырьмя бронзовыми гвоздями и украшенный черными аппликациями. В саркофаге, на подстилке из черного войлока лежала мумия женщины. В этом саркофаге, благодаря великому чародею-льду, прекрасно сохранилось всё: шёлковая рубаша и шерстяная юбка, плетёный пояс с кистями, бело-красные войлочные чулки, шуба. На голове был поразительный парик, конструкции которого позавидовали бы современные модницы. Руки мумии от запястий до плеч покрывала голубая татуировка. На рисунках сплелись в диком танце реальные и мифические животные, в том числе грифон, который символизирует дуализм природы, борьбу добра со злом. На запястьях женщины были жемчуга, а уши украшали золотые серьги искусной работы. Рядом были погребены шесть оседланных коней золотисто-рыжей масти в богатой сбруе. Всему этому великолепию было не меньше двух с половиной тысячи лет. И вот когда молодая учёная-археолог сделала это сенсационное открытие – всё: первый портал был открыт, и над нашей Землей сгустились тучи зла. Сейчас же одержимые люди, поверив легенде, хотят достать *драгоценность* принцессы, которой она запечатала главные врата Ада, думая, что этот артефакт и сопутствующее золото поможет им стать счастливыми, но это не так. – Клиент словно проснулся и пристально взглянул в глаза Зине, стараясь разглядеть в них понимание. – На самом деле, *драгоценность* – это главное, чем пожертвовала принцесса, поэтому за ее погребением кроется самый важный пор-

тал, открыв который, они просто погрузят мир в хаос. Наслаждаться, как они мечтают, будет просто негде и некому.

– Может, они неправильно всё расшифровали и не найдут те врата? Две с половиной тысячи лет не находили, может, нам и сейчас повезет, – решила пошутить Зина, но, видимо, получилось опять не очень, потому что посетитель беззвучно заплакал, нервным движением вытирая слёзы.

– Месяц назад я расшифровал карту, – пояснил Галопов, и его голос дрогнул. – Все думали, что карта второго портала – это татуировки принцессы, но только я сообразил, что это не так. Карта – это татуировки молодого мужчины с рыжей косичкой, который был захоронен выше принцессы, татуировки слуги. Именно потому, что это был всего лишь слуга, ученые обделили его своим вниманием, но на это и была сделана ставка. Вот вы, Зина, сегодня с утра, скорее всего, покупали кофе или заходили в супермаркет за водой. Вы помните, кто вас обслуживал?

– Да, я покупала кофе, – улыбнулась Зинаида, понимая, что тут ненормальный посетитель прав, – и действительно не помню, как выглядела девушка в кафе.

– Вот! – воодушевился мужчина. – Более того, смею предположить, что вы покупаете кофе в этом месте не в первый раз. Люди не замечают обслуживающий персонал, и так, видимо, было всегда. Ничего не меняется на этой планете, в людской психологии тоже. На это и был расчет, что на слугу, погребенного менее пышно, никто не обратит внимание,

никто и никогда не поймет, что он и есть – карта. Они бы никогда не догадались, никогда. Я же, думая, что совершаю открытие, на самом деле погубил наш мир.

Галопов вскочил, продолжая держаться за голову обеими руками, и начал ходить взад-вперёд по комнате.

– Ну, это вы, наверное, поторопились, – не согласилась Зина. – Почему вы решили, что «они» сделают это именно сейчас? Возможно, «они» перенесут мероприятие на лето.

– Нет. – Посетитель прекратил расхаживать и замер в центре комнаты. – Или сейчас, или только через пятьдесят лет, поэтому они не станут ждать. Именно двадцать восьмого мая, ровно в час ночи по местному времени звезды сойдутся, и ворота можно будет открыть. Плюс ко всему данный парад созвездий чётко соотносится с Лунным календарём, и Луна укажет точное место. Следующий раз, когда созвездия выстроятся именно в такой очерёдности, и Луна будет ущербной, случится лишь через полстолетия. Они ни за что не упустят такой возможности. Я вычислил место, где это произойдёт – это плато Акон. Принцессу нашли на плато Укок, что довольно далеко от запечатанных врат, и это тоже затянуло поиски. Затем я вычислил время... Убогий, я ё сделал, чтоб уничтожить этот мир, – снова тихо заплакал мужчина.

– Но вы подумайте, может, вы не всё им сказали, и они всё же не сумеют разгадать все тайны до конца, – попыталась успокоить нервного посетителя Зина.

– Умница! – воскликнул он радостно и даже подпрыгнул

на месте. – Вы, Зина, умница. Именно поэтому я к вам и пришел. Да, они теперь знают про плато Акон, знают про время, но есть еще одна деталь, о которой знаю только я. Поэтому я и пришел к вам. Есть еще шанс, есть, правда, я уже не в силах этого сделать, но вы, Зина, должны помочь мне. Сначала эти люди отправятся в музей города Горно-Алтайск и украдут зеркальце принцессы, которое было у нее в правой руке, когда ее нашли, – это и есть ключ к воротам Ада. Вам же необходимо опередить их и навечно запечатать портал. Я расскажу вам, как это сделать, эту информацию я тоже нашел в легендах, но перед этим вы все-таки должны опередить воров.

– Вы как это себе представляете? – вздохнула Зина устало. – Будет налёт на музей?

– Именно, но совершат они его очень по-умному. Как я вам уже говорил, на Алтае живут и строят свои планы по Лунному календарю. Дни новой Луны с третьего по пятнадцатый считаются благоприятными, именно в эти «хорошие» дни с десяти до тринадцати часов можно увидеть принцессу Ак-Кадын в музее. Правда, ученые называют ее принцессой Укока по названию плато, на котором ее нашли, но знайте, это одно и то же.

– Вы серьезно? – удивилась Зина. – На дворе двадцать первый век.

– Вполне серьезно. Вы можете прочитать эту информацию на сайте музея. Шаманы Алтая добились возвращения своей

принцессы в музей Горно-Алтайска. Они требовали вернуть ее на плато Укок, но им не пошли на встречу, и тогда шаманы настояли на таком графике открытия зала, где она демонстрируется для посетителей, именно по Лунному календарю. Потому что дни, когда Луна на ущербе, считаются неблагоприятными у алтайских шаманов. Особенно последние дни черной ущербной Луны, когда сила злых духов и темных сил увеличивается втрое. Поэтому зал, где демонстрируется принцесса будет закрыт. В эти дни даже работники музея не заходят на эту половину выставки.

– Бред, – усмехнулась Зина, но увидев серьезное выражение лица посетителя замолчала.

– Только в эти страшные дни можно открыть портал в Ад, сама Луна будет им в этом помогать.

– Надо же, какие все суеверные, – криво улыбнулась Зина.

– Не смейтесь, – попросил Виталий Галопов искренне. –

В тех краях знают побольше нашего, видели такое, о чем мы даже помыслить не можем, и потому ведут себя осторожнее нас. Так вот, эти люди заберут зеркальце, и еще семь дней никто об этом не узнает. Конечно, когда я состоял в их команде, то требовал, чтобы после зеркальце вернули на место, но теперь я не уверен, что хоть кто-то говорил со мной всерьез. Более того, я действительно верил им. Они мне обещали дать запечатать этот портал. Но вот, когда до начала операции оставалось несколько дней, я понял, что никто и ничего не будет закрывать. Они просто заберут драгоценности,

разграбят курган – и всё. Более того, в глазах их главаря я отчетливо увидел свою смерть. Эти люди оказались черными археологами, как же я раньше не догадался! – очень искренне сокрушался мужчина.

Весь этот разговор о смертельной угрозе в глазах и черных археологах жутко разозлил Зинаиду, как и любая пустая болтовня. Поэтому она сделала вид, что не услышала этого пафосного заявления.

– Хорошо, предположим, о зеркальце злодеи уже знают и коварно его выкрадут, – рассуждала Зина, борясь с раздражением. – А что за деталь, которая может их остановить?

– Такая же, как у принцессы! – воскликнул Галопов радостно и удивлённо, словно Зинаида задала глупый вопрос, ответ на который должен быть понятен каждому. Посетитель стал копаться в своих записях, пытаясь найти нужную.

Зина устала, но и отказать ему прямо сейчас почему-то не могла, язык не поворачивался. Настолько искренним сейчас выглядел этот спаситель мира, настолько верящим в то, что говорил.

– Давайте так, – вздохнув, сказала она посетителю, прервав его поиски. – Я сегодня прочитаю всё то, что вы мне принесли. – Она указала на стопку исписанных мелким почерком листов бумаги в его руках. – Поищу информацию в своих источниках и завтра сообщу вам о своем решении.

– Хорошо, – очень быстро и, казалось, с облегчением согласился посетитель.

Зина вновь его пожалела, а себя пристыдила за то, что дала человеку ложную надежду, ведь она собиралась завтра ему отказать. Вернее, попросить об этом Алексея.

– Деньги заберите! – крикнула она мужчине, когда тот уже стоял в дверях.

– Мне негде их хранить, – пожал он плечами. – Я продал квартиру, и это сумма от ее продажи. Пусть они у вас лежат, а завтра, когда я к вам приду, если вы откажетесь, то просто вернете их мне.

– Вы настолько нам доверяете... – пробормотала Зина удивленно.

Посетитель очень грустно улыбнулся, немного замешкался, видимо, решая, что ответить на провокационный вопрос.

– Знаете, один из самых великих, на мой взгляд, писателей двадцатого века, Эрнест Хемингуэй писал: «Лучший способ узнать, можете ли вы доверять кому-то, это довериться ему». Я всегда придерживаюсь этого правила. Иногда это больно, а иногда ты находишь настоящих людей, порядочных и добрых. Такое приобретение всегда ценнее любых разочарований, потому что ты получаешь точное знание, что такие люди в принципе существуют. До этого в моей жизни был один такой человек, надеюсь, вы станете вторым.

Зине не пришло в голову, что можно было бы возразить на такие философские высказывания, и посетитель, воспользовавшись паузой, успел выскользнуть из «избы».

«Ничего, – решила Зина, взяв пакет с пачками купюр и

листами А4, исписанными неровным мужским почерком, – деньги можно отдать и завтра, а заодно выяснить о посетителе побольше. Возможно, найти его родственников и рассказать им о его навязчивой идее и продаже квартиры. Может быть, они даже не знают, что с их родным человеком не всё в порядке».

Она показала кулак телевизору на стене, точно зная, что ее команда внимательно наблюдает за происходящим через потайное окно, соединяющее аппаратную и гостиную. Они слышали всё и имели возможность даже делать запись разговоров, а отсюда был виден лишь телевизор, и ни звука не доносилось из соседней комнаты.

– Ну и подкинули вы мне клиента! – буркнула она в темный экран. – Тот, кто отсматривал его видеообращение и допустил к личной встрече, будет лишен в этом месяце «фификов». – Так они в команде называли поощрения.

Зина была хорошим, но строгим руководителем. Всё, что касалось работы, никогда не смешивала с личными отношениями. «Дружба дружбой, а служба службой», как любила она повторять коллегам.

«Как только дружба начинает мешать твоей работе, – говорил ее дед, – значит, это уже не дружба, а использование. Не позволяй ложным друзьям влиять на твою работу, семью и мораль. Настоящий друг никогда не будет заставлять тебя изменять этим трем вещам, спекулируя дружбой».

Зина помнила это и старалась чувствовать эту тонкую

грань, никому не позволяя ее переходить.

Поэтому в аппаратной точно знали, что это не пустые слова, и «финики» в этом месяце действительно пролетают мимо.

Глава 2

*Секретов не существует, есть просто
спрятанные ответы.*

Гилл Гриссом

Я не верю в слова, извините,
Я отныне не верю словам.
Вы не слушайте, вы поймите,
Мои мысли не по губам.

Я не верю в слова, всё пустое,
Слишком много сказано вслух.
А ведь было оно золотое,
Превратившись со временем в пух.

Я не верю в слова, лишь движения,
Ваши руки и ваши глаза,
Лишь неровные прикосновения,
Скажут то, где соврать нельзя.

Лишь дыханье с привкусом ветра,
Все поведает как на духу.
Ведь слова – это только химера,
Нагребаящая шелуху

А ладошки, предатели мыслей

Не подвластные мастерам,
Перепулав слова и числа,
Обо мне все расскажут вам.

Я не верю в слова, извините,
Я отныне не верю словам.
Вы не слушайте, вы прочтите,
Мои мысли не по губам.

Песня, которую она сейчас так душевно спела сама себе, была написана, когда Зина рассталась с Даниилом Бровиком, самоуверенным миллионером, роман с которым у нее закрутился на таинственном Байкале. В этих строчках Зина сама себе призналась в том, что, бросившись в его объятия, она спасалась от собственной боли. Ей просто необходимо было забыть свою первую и на тот момент самую большую любовь – Тимура, в отношениях с которым именно на Байкале была поставлена жирная точка. И, что очень ударило по девичьему самолюбию, поставлена она была отнюдь не Зиной. Потому было больно, обидно, одиноко и отчего-то ей показалось, что можно заглушить эту боль, поиграв в любовь с Даниилом, который был рядом и казался милым и влюбленным.

Зина даже в какой-то момент подумала, что всё получается, что эта игра и не игра вовсе, а шанс на счастье, но очень быстро всё встало на своё место – она застала своего возлюбленного с другой. Вот так пошло и прозаично. Но Зина не удивилась такой развязке, словно эти отношения именно так

и должны были закончиться, потому что есть банальное, но вечное правило – в счастье нельзя играть, оно не прощает такого пренебрежительного к себе отношения. Именно после повторной, какой-то стыдной боли, Зина и решила, что с нее хватит, и замкнула свою молодую жизнь на работе, боясь вновь ошибиться и испытать боль. Пусть с Даниилом боль была не такой сильной, как с Тимуром, но от этого было не легче. Это словно вновь упасть на недавно сбитую коленку и не понять, чего в этом больше – боли или досады за собственную глупость.

Сегодня Зина отчетливо поняла, что пора просыпаться – полгода стерильной жизни, полгода спокойствия, покуда затягивались ее душевные раны, сделали ее трусихой. Пришло явное понимание, что пора перестать прятать голову в песок и все же попробовать разобраться хотя бы в истории своей семьи. Так как телефоны родителей по причине их якобы работы в отдаленных районах Африки, где нет никакой связи, всё еще молчали, Зинаида решила разобрать антресоль в квартире. Сколько она себя помнила, на эту полку только складывалось старье, и никогда ничего не доставалось. Она, словно черная дыра, затягивала в свои недра и поглощала их без права на возвращение.

Зине вспомнился один момент, когда дед, невысокий и коренастый, вставая на шаткое сооружение «стул плюс табурет», убирал туда какие-то, как ей тогда казалось, ненужные вещи, то, что можно было бы смело выбросить.

– На таких полках между хламом и воспоминаниями, друг мой Зинка, хранятся самые постыдные тайны, помни об этом, – смеялся он, пока семилетняя Зина держала его табурет. – Тем хороши и одновременно страшны старые антресоли: никогда не знаешь, что на них найдешь – разгадку тайны или еще больше вопросов.

Зина была девушкой невысокой и хрупкой, поэтому после смерти деда так ни разу и не решилась туда залезть, хотя, возможно, причина была в боязни не высоты, а именно постыдных тайн. Сегодня же, во время бесполезного разговора со странным заказчиком об адских вратах, она почему-то вспомнила об этой полке и клятвенно себе пообещала вечером разобрать эту черную дыру в квартире.

Злясь на своих товарищей, она остановила их робкие оправдания насчет сумасшедшего клиента и, дав задание разузнать о его семье и возможных друзьях, потому как один человек, которому он доверяет, у него все же должен быть, сразу же покинула офис, именуемый между своими «избой». У нее вдруг появилась цель, и показалось, что именно разбор антресоли поможет ей побороть этот непонятный страх.

Но желание уменьшилось лишь от одного взгляда на антресоль, вновь стало так страшно, что даже в желудке противно засосало, требуя чего-нибудь вкусенького. Была у Зины такая дурацкая детская привычка – заедать проблему, и она даже не знала, откуда та взялась. Мысль о том, что вдруг Зина узнает такую тайну, что станет опять нестерпимо боль-

но, так что уже это чувство не отступит никогда, заставила сомневаться в правильности решения.

Девушка смалодушничала, решив оттянуть момент. Она пошла на кухню, сделала себе два огромных бутерброда с ветчиной, смачно промазав белую булку майонезом, а затем прихватив гитару и чай, устроилась в коридоре на небольшой банкетке.

Она решила, что им с антресолю надо присмотреться друг к другу, привыкнуть, что ли, договориться. Гитара же была ее личным психотерапевтом, к услугам которого она прибегала постоянно. Когда Зине было лет семь, дед научил ее писать стихи. Сначала это был просто подбор слов: полка – кофемолка, искусно – вкусно, а Зина должна была с их помощью сочинить четверостишие.

У нас на кухоньке есть полка,
На ней электрокофемолка.
Я кофе делаю искусно,
Все говорят, что очень вкусно.

Первым ее стихотворением было именно это, дед тогда Зинку очень хвалил и странно поглядывал в ее сторону, словно она сделала что-то для него неожиданное. После она уже самостоятельно вывела рецепт приведения своих мыслей в порядок. Зина накладывала на свои стихи нехитрую мелодию, и это помогало не только понимать и принимать проблему, но и думать о ее решении.

Так вышло и сейчас. Прожевав бутерброд и отложив гитару в сторону, Зина поднялась по стремянке на самый верх и открыла дверцы. К ее облегчению, ничего не случилось: оттуда не вылетели летучие мыши с привидениями, да и параллельная вселенная не затянула ее, как Алису в кроличью нору. Полка встретила ее прозаично – пылью и хаосом. В самом углу Зина увидела клоуна, свою ненавистную игрушку. Когда-то дед купил ей этого яркого циркача, но маленькой девочке игрушка не понравилась. Зина боялась ее и безутешно плакала, тогда дед взял его и выкинул. Сейчас стало понятно, что он соврал, убрав игрушку на антресоль, но зачем? Пожалел денег? На деда это не похоже, он легко расставался с деньгами, говоря, что именно в этом их предназначение.

Любопытство победило, и Зина взяла маленького монстра за рыжие волосы. Но, видимо, конструкция из хлама была такова, что она оставалась статичной только в цельном состоянии, и потому клоун потянул за собой всё остальное содержимое полки. Зина же, не выдержав повалившейся на нее лавины, пошатнулась на стремянке и полетела вниз. За секунду рассчитав высоту потолков под четыре метра и свою скорость падения, она уже мысленно смирилась с переломами конечностей и зажмурилась. Но вместо жесткого столкновения с полом почувствовала чьи-то сильные руки.

– Привет, зеленоглазка, – услышала она знакомый голос. – Тебя дверь не учили закрывать? По-моему, я опять спас тебе жизнь.

Глава 3

Глупость и мудрость с такой же легкостью схватываются, как и заразные болезни. Поэтому выбирай себе товарищей.

Уильям Шекспир

– У тебя, как всегда, одиноко, – заметил Феликс Есупов, оглядывая комнату и прихлебывая чай. – А я еще боялся к тебе идти, думаю, вдруг тут уже поселился какой-нибудь бу-гай, который выгонит меня взашей.

– Ты сейчас напрашиваешься на то, чтобы это сделала я, – ответила грозно Зина, но на самом деле она была рада видеть этого красавчика.

С Феликсом Есуповым их судьба свела, когда они искали наследство тамплиера в маленьком городе на берегу Балтийского моря. Тогда программа потребовала в группу вора – им и стал бывший цирковой фокусник, временно сошедший с праведного пути. На тот момент он отдал Родине все долги, и был отпущен на свободу за образцовое поведение.

– Что ты! – испугался Феликс. – Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть, – и он хитро улыбнулся.

Надо сказать, этот 34-четырехлетний молодой человек был не только прекрасным фокусником, но еще и чертовски обаятельным мужчиной. Пшеничные волосы и голубые глаза, благородный профиль и хорошие манеры, которым на-

учил его дядя – цирковой артист – кроме фокусов, дополняли образ. Зина чувствовала себя рядом с ним гадким утенком. Потому, видимо, и не поверила два года назад в его ухаживания. Ей тогда показалось, что такой красавчик не может влюбиться в миниатюрную, словно Дюймовочка, девушку, без ярких, так привлекающих мужчин форм, да еще и рыжую, периодически страдающую от конопушек на лице.

– Ты расскажешь, зачем туда полезла? – спросил Феликс, но, сообразив, что сказал что-то не то, постарался перевести тему. – Я подошел к двери, хотел позвонить, но увидел, что дверь ни то, чтобы не заперта, а даже немного приоткрыта. Испугался, забегаю, а тут ты прям с потолка на меня! Хорошо еще сноровка цирковая есть, а так бы мы оба оказались погребены под этой горой мусора. – Феликс показал в коридор, где лежали свалившиеся с антресоли вещи.

– Вот тут ты, мой друг, прав, – улыбнулась Зина. – Потому и заслужил чай с пирожными. А полезла я туда, – вздохнула она, – узнать страшные тайны своей семьи.

– И как? – спросил Феликс, доедая уже второй эклер. – Нашла?

– Нет, – пожала плечами Зина, – их там не оказалось. Видимо, я слишком много хотела от простой старой антресоли.

– Родители так и не позвонили? – поинтересовался Феликс. Он был в курсе всех ее перипетий с родственниками, да и не только с ними.

Зина почти сразу отправила молодого человека во френдзону, и он остался там навсегда, не претендуя на большее. Появлялся в жизни девушки не часто, но по какой-то невероятной случайности именно тогда, когда ей была нужны его помощь и поддержка. Он всё знал и про Тимура, и про Даниила, и про невероятное количество неразгаданных семейных тайн.

– Их телефоны вне зоны доступа, – Зина покачала головой. – Уже полтора года молчат. Официально они мертвы уже двадцать лет, а женщина, в которой я год назад на Ольхоне случайно узнала мать, просто растворилась в воздухе, и даже ее работодатель Даниил Бровик не смог ее найти. Словно и не было человека.

Зина упомянула Даниила, как чужого человека и сама этому поразилась.

– И ты решила, что все ответы хранятся на пыльной антресоли, – прыснул со смеху Феликс, но Зина поняла, что он уводит разговор от еще недавно больной для нее темы.

– Именно, – улыбнулась она Феликсу и подумала, что за время их знакомства он ей стал как брат. Такой же потерянный и одинокий.

Мотя, Алексей и Эндрю были друзьями, хорошими, надо сказать, друзьями, всегда приходящими на помощь. Теми друзьями, с которыми хорошо и в радости, и в горе. Но они все же были другими, а Феликс Есупов – родственной душой. С братом ты тоже можешь не видеться годами, но ко-

гда он появляется в твоей жизни, ты чувствуешь это родство на клеточном уровне.

– По-моему, – Феликс подошел к грудке вещей в коридоре, – это все можно смело выкидывать. Хотя, возможно, – в его голосе появился интерес, – всё, кроме этого зонта.

Он достал длинную трость и снял с нее черный чехол. Под ним оказался зонт огненно-красного цвета. Причем цвет был настолько ярким, словно этот предмет не пролежал на антресоли как минимум три года, а был только что доставлен из магазина.

– У деда был точно такой же, только черный, – сказала Зина, рассматривая находку. – Даже ручка была в точности такая же, резная, со звездой. Наверное, когда-то он купил себе и мне, своим пользовался, а мне забыл подарить.

– Ну, надо сказать, он не выглядит старым, – Феликс тоже заметил странность находки. – Хотя, Савелия Сергеевича нет три года, не такой уж это и срок.

– Но ведь ты пришел не за тем, чтоб пить чай и рассуждать о зонтах, – наконец задала Зина вопрос, который давно витал в воздухе.

Феликс протянул девушке свою находку и внимательно посмотрел в глаза, словно хотел прочитать в них может он ей доверять или нет.

– Ну же, – теперь Зина решила подбодрить гостя. – Мы с тобой уже достаточно давно знакомы, чтобы не сомневаться друг в друге. Я слушаю тебя.

– Помоги мне найти человека, – сказал Феликс, и с его лица сошла вся уверенность, даже сарказм в голосе пропал, хотя он был константой в общении молодого человека с этим миром.

Зина видела Феликса таким лишь однажды, когда он рассказывал ей историю своего сиротства и как обрёл семью в лице дяди. Только эта тема заставляла хитрые, с легким прищуром глаза красавчика, знающего себе цену, перестать смеяться. Последующие слова Феликса подтвердили Зинкины подозрения:

– Близкого мне человека.

Зина понимала, что перед ней хороший товарищ, почти брат, уже родной, но она никогда не путала работу с личными отношениями. Это было трудно, но она не допустила такой мысли и сейчас.

– Феликс, ты прекрасно осведомлен об особенностях программы и агентства, – начала она издалека. – Ты когда-то тоже был в группе, и знаешь обо всем изнутри, как говорится. Мы не занимаемся поиском людей.

Зине было неловко и даже немного стыдно, словно друг пришел к ней занять денег, а она ему отказала. Но так было правильно.

Феликс вздохнул, как перед трудным разговором и, присев на банкетку, на которой Зина недавно договаривалась с антресолю, побаиваясь влезть в ее нутро, и, не глядя на девушку, начал сбивчиво говорить, видимо, заранее подгото-

ВИВШИСЬ:

– Ну, во-первых, у нас, то есть, прости, у вас в агентстве всё когда-то бывает впервые, ты же мне сама рассказывала. В тот раз, когда я с вами поехал в Калининградскую область, ты тоже твердила, что вы никогда не занимались убийствами, а тем более, групповыми. Но ты рискнула согласиться, и мы тогда победили. – Он всё же поднял глаза на стоящую рядом Зину и посмотрел с надеждой, как собака смотрит на хозяйна, когда очень хочет гулять и ждет команды. Не увидев поддержки, он продолжил: – Затем вы были год назад на Ольхоне, ты, конечно, тогда не рассказывала мне подробности, когда заглянула на мое представление в Иркутске, но ведь и я не дурак, – он развел руками, как бы извиняясь. – Тогда все местные паблики пестрили заметками, что на главном острове Байкала произошли ритуальные убийства. Агентство на расследовании убийств тоже не специализировалось, но вы взялись и смогли это сделать.

Феликс всё же встал, подошел к Зине, которая прислонилась к стене, и посмотрел ей прямо в глаза. Он был абсолютно раздавлен, и девушка даже удивилась, как ловко он скрывал свою боль еще пятнадцать минут назад.

– Я знаю, что ты соглашалась, если кто-то называл пароль, который знала только ты и твой дед. У меня нет пароля, мне никто его не давал. Я просто прошу своего друга Зинку мне помочь и вспомню старый пароль, с которого все начиналось: «Знаешь, Зинка, я против грусти».

Девушка не произносила ни слова, Феликс же подумал, что она колеблется и решил прибегнуть к последнему аргументу:

– Я могу заплатить, я стал прилично зарабатывать, у меня гастрольные туры.

Зина по-прежнему молчала.

– А еще Алтай очень красив в конце мая, – добавил он уже без всякой надежды на успех.

– Алтай? – неожиданно оживилась Зина.

– Да, рядом с Горно-Алтайском есть плато Акон, нам надо туда.

– Как? – еще больше поразила Зина, распахнув от удивления глаза.

– Акон, – уже веселее повторил Феликс, видя интерес девушки. – В конце восьмидесятых там был построен небольшой академгородок, чтобы археологам было удобнее вести раскопки в этом загадочном краю. Все-таки заботились в Советском Союзе о простых ученых. Так вот, построить-то построили, но использовать не успели. Союз развалился, а вся инфраструктура там осталась.

– Как же строения не растащили-то по кирпичикам? – удивилась Зина.

– Это плато находится высоко в горах, единственная дорога как раз была обрушена почти сразу после строительства, и попасть туда можно лишь на вертолёте. Как ты понимаешь, не у каждого в нашей стране под рукой данное средство пе-

редвижения, а у кого оно все-таки есть, тому старые кирпичи не нужны.

– И что твой человек делает в этом городке? – спросила Зина. Было видно, что с этой минуты она уже не думает, как отказать старому знакомому, а заинтересовалась.

– Год назад какой-то миллиардер купил этот разваливающийся от дождей и ветров городок и построил на его месте парк отдыха для богатых «Создатель», – объяснил Феликс.

– Серьезно? – не поверила своим ушам Зина.

– Ничего удивительного, – пожал плечами Феликс. – Богачей у нас в стране очень много, а людям, как известно, нужно хлеба и зрелищ, это еще в Древнем Риме знали. Со зрелищами сейчас туговато, как и с поездками по миру, поэтому такой отдых очень востребован. Я гастролировал как минимум в трех таких закрытых местах на нашем юге, где отдыхали только избранные. Но этот предприимчивый миллиардер, видимо, подумал, что юг – это банально, потому решил заморочиться и, кстати, правильно сделал: чем необычнее место, тем больше денег на нем можно заработать. А у городка уже вся инфраструктура была, так, сделать косметику, придумать развлечения – и всё.

– Ты говоришь так, словно там был, – заметила Зина.

– Я нет, – вздохнул Феликс, – но вот мой человек – да. Ремонт парка подошел к концу, они набирали клининг перед первым сезоном, и я с третьей попытки смог пристроить туда доверенное лицо, женщину, которая мне периодически

передавала информацию. Самое важное, что она узнала за время проживания, что человека, которого я ищу, там нет.

– Тогда зачем нам туда? – спросила Зина. Она уже что-то увлеченно чертила ручкой в блокноте, делая зарисовки.

– Потому что я знаю, что та, кого я ищу там, и от того, что ее никто не видит, становится еще страшнее.

– Ты предлагаешь мне с группой внедрится в это закрытое место? – уточнила Зина, но уже не с усмешкой как в начале разговора, а по-деловому, словно рассматривала в том числе и этот вариант.

– Нет, конечно, – Феликс словно бы ждал этого вопроса. – Сезон начинается двадцать пятого мая, и я выиграл творческий конкурс на работу в парке отдыха «Создатель». Я так понял, что у них фишка такая: набирают персонал для развлечений на каждый заезд индивидуально, чтобы не повторяться. Поэтому я не могу потерять эту неделю, в этом году меня туда больше не позовут. Мне страшно прокатиться туда и ничего не узнать, именно поэтому я вспомнил про «дилетантов». Для вас неделя – это идеальный срок. Я могу взять с собой троих помощников для организации представления, а это, опять же, идеальная команда. Вместе со мной будет как раз четверка «дилетантов». Я за всё заплачу, Зина, я сейчас прекрасно зарабатываю, – начал повторяться Феликс, потому что подготовленная информация закончилась.

– Ты точно не вляпался опять в криминал? – спросила Зинаида серьезно.

– Нет, – уверенно ответил Феликс. – Я дяде обещал, тебе, себе, в конце концов. Зина, дорогой мне человек оказался в беде, я чувствую это. Помоги.

– А ты уверен, что он хочет, чтобы его нашли? – вновь уточнила Зина.

Феликс хотел что-то сказать, но промолчал.

– Кого ты ищешь? – спросила Зина, пристально глядя ему в глаза, но Феликс не успел ответить, потому что зазвонил телефон. – Секунду, – сказала она ему и ответила на звонок.

Вообще Зинаида очень сильно изменилась за последние полчаса, превратившись из растерянной молодой девушки, ищущей на старой антресоли семейные тайны, в уверенную руководительницу, которая знает чуть больше остальных сотрудников.

– Слушаю, Алексей – произнесла она сердито, полагая, что ее «правая рука», решил в сотый раз извиниться за сумасшедшего клиента, но взволнованный голос в трубке мгновенно снял всю Зинкину раздражительность:

– Шеф, можешь говорить? – спросил он.

– Да, – ответила она, не тратя время на болтовню.

– Наш сегодняшний гость выпрыгнул с девятого этажа гостиницы в центре Москвы. На окне, из которого он сиганул, послание, которое засветилось уже во всех пабликах. Я тебе скинул, посмотри в мессенджере.

Зина, не сбрасывая вызов, открыла сообщение. На фото была четко видна надпись на оконном стекле: «Девушка с

зелеными глазами, я доверяю этот мир тебе».

– У полиции версия о безответной любви, но мы оба понимаем, что это не так, – Алексей был краток. Это говорило о том, что он сейчас ждет команды от Зины, ждет ее решения.

– Собираемся в «избе» через полчаса, у нас новое дело, – объявила Зина. Положив трубку, она несколько секунд молчала, потом повернулась к Феликсу и забрав у него свою находку – красный зонт-трость, сказала загадочно: – Ты тоже едешь в «избу». Там и решим, кто у нас все-таки заказчик.

Глава 4

*Кофе – это просто счастье... и это счастье,
можно пить.*

Иммануил Кант

Май в Москве был такой же мокрый и холодный, одним словом, отвратительным, точно, как жизнь Ольги Суриковой.

Стоп.

Вот что значит: женщине пятьдесят один год, а она всё Ольга. Другие в ее возрасте уже становятся Ольгами Владимировнами, Петровнами, Николаевнами. Молодые коллеги перед ними трепещут от уважения и легкой боязни, а она по сей день просто Ольга. Даже знакомясь с кем-нибудь, Ольга не называла отчество, словно она его не заслужила, словно эта опция была для нее закрыта. Наверное, все ее беды идут от этого обстоятельства.

– Еще кофе?

Подошедший официант взглянул на нее с жалостью. Оля поняла его взгляд, потому что практически на его глазах богатая мадама из тех, кто не смотрит на ценники в меню кофейни, превратилась в загнанную мышь, которая расплавляется за самый дешевый американо наличными, считая каждую копейку.

Раньше Ольга пила только лавандовый раф. Бариста сам приносил ей его и каждый раз, будто бы забывая о предыдущем разговоре, рассказывал историю этого божественного напитка:

– Вы знаете, – сообщал он, словно по секрету, – что кофе-раф придумали в Москве на Кузнецком мосту? Его приготовили первый раз специально для очень привередливого посетителя, которого звали Рафаэль. Напиток понравился друзьям и сослуживцам Рафаэля, и они, приходя, заказывали кофе «как у Рафа». Позже даже в меню была включена строка «кофе, как у Рафа», но посчитали название слишком длинным и оставили короткое – кофе-раф. Сейчас этот напиток пьют по всей стране. В рецепте: двойной эспрессо, десятипроцентные сливки и ванильный сахар. Всё это взбивается до нежной пенки, а затем добавляется щепотка корицы. Сейчас, правда, уже появилось множество вариаций, это и лавандовый раф с цветами лаванды, и медовый, и другие разновидности.

– Так вам еще кофе? – повторил вопрос официант, выдержав Ольгу из дорогих ее сердцу воспоминаний. Воспоминаний о том времени, когда ее жизнь была еще целой, и она, глупая и наивная, даже представить себе не могла, что всё это может развалиться в один момент. Как карточный домик, заботливо построенный своим создателем, красивый и ненадежный.

Неожиданно за спиной Ольги прозвучало:

– Разрешите присесть к вам за столик.

Возле столика стоял красивый мужчина лет сорока с небольшим и обворожительно улыбался. В кафе было полно свободных мест, и Ольга смутилась.

– Конечно, я уже ухожу, садитесь, – сказала она мистери Улыбка. – Кофе больше не надо, – наконец ответила она официанту.

Тот с облегчением вздохнул и принес меню новому посетителю, надеясь, что тот окажется более платежеспособным.

– Мне так неудобно, что я вас выгоняю, – начал оправдываться нежданный сосед. – Просто мне отсюда будет удобно наблюдать, когда моя жена выйдет из магазина и не упустить этот момент. Разрешите мне в знак извинения угостить вас кофе. Прошу, не отказывайте, а то я весь день буду чувствовать себя отвратительно, зная, что заставил уйти такую очаровательную женщину.

Ольга всё еще не решалась что-либо ответить, и, заметив ее сомнения, мужчина подозвал официанта и сделал заказ.

– А для дамы... Дайте я угадаю, такая утонченная женщина пьет что-то особенное, скорее всего, раф. Угадал?

– Лавандовый, – улыбнулась Ольга, возможно, первый раз за последний месяц. Ей так захотелось лавандовый раф, что она не нашла в себе сил отказаться.

Ну что может случиться, если она выпьет чашечку кофе в компании этого мужчины? На нее как на женщину он вряд ли позарился, да и выглядит она в последнее время ужасно.

Не почку же ее заставят отдать в обмен на кофе? В крайнем случае, это центр Москвы, можно будет и закричать. Этими, как показалось Ольге, разумными доводами она успокоила себя и стала просто наслаждаться вкусом принесенного напитка. К нему на блюдечке подали миндальное печенье, и это было райски прекрасно, почти как до появления Ады, личного ада Ольги Владимировны Суриковой.

– Вы плачете, – вдруг услышала она сквозь свои воспоминания голос спонсора ее сегодняшнего наслаждения. – Простите, если я вас чем-то обидел, я могу пересесть за другой столик.

– Не стоит. – Ольга даже не заметила, как расплакалась, слезы стали нормой ее жизни. – Напротив, вы мне очень помогли. Просто у меня сейчас тяжелые времена.

– А вы расскажите всё мне, как рассказывают случайному попутчику в поезде, – предложил ей собеседник. – Это работает почти как сеанс у хорошего психолога. Можно без конкретизаций и имен. Вы просто проговорите ситуацию вслух и, возможно, найдете ответ сами. Если же нет, то я могу что-то подсказать, увидев проблему со стороны.

Ольга растерялась от такого предложения. Она была не очень общительным человеком, а уж с чужими людьми не откровенничала ни разу в жизни. Но ведь и она уже не та, и ее жизнь теперь совсем другая.

– А может, и правда, – как-то равнодушно согласилась Ольга. Ей вдруг стало совершенно плевать, что о ней поду-

мают. – Но рассказывать особо нечего, обычная бабская история.

– Помните, как у Толстого в «Анне Карениной»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

– Думаю, что и ваша история имеет много индивидуальных причин и последствий. Вы просто попробуйте, – настаивал незнакомец.

– Ну, что ж... Мне когда-то было двадцать два года, и я самая наивная девушка на планете. Жду своего принца, не обращая внимания на предложения однокурсников. Помните, как у Эдуарда Асадова, хотя вы, наверное, молоды для такого поэта, а вот мы в свое время зачитывались его стихами. Гений своего времени, незаслуженно забытый. Так вот в одном из стихотворений у него есть такие строчки: «Ей хочется крикнуть: «Любви-звездопада! / Красивой, красивой! Большой, большой! / А если я в жизни не встречу такой, / Тогда мне совсем никакой не надо!» Стихотворение называется «Чудачка». Вот такой чудачкой была и я. Когда же появился он, то весь остальной мир уже для меня перестал существовать. Это был мой личный принц на белом коне. Он сказал бросить работу, я бросила, он сказал заниматься детьми, я занималась, он сказал не лезть в его дела, и я не лезла. Мне казалась, что я самая счастливая женщина на свете – семья, двое сыновей, муж-бизнесмен. Всё, что касалось материальных благ, я имела в достаточном для меня количестве. Ес-

ли шуба, то соболиная, если дача, то на Новой Риге, если отпуск, то в Испании. Жизнь удалась! Знакомые, жены его друзей даже завидовали сначала, но, правда, потом завидовать стало некому, потому что он велел мне ликвидировать любое общение, и я, как всегда, послушалась.

– Надеюсь, несчастные живы, – прокомментировал незнакомец.

– Вполне, – усмехнулась она. – В социальных сетях я вижу, как они завидуют теперь другим, потому что мне уже не позавидуешь. Всё началось, когда выросли дети, мне кажется, я даже почувствовала это физически. Мальчишки выпорхнули в большую жизнь и, как положено молодости, тут же забыли о родителях. Мужу стало нечего со мной обсуждать, а жена-домохозяйка вдруг начала тяготить его. Вот тогда очень вовремя и появилась Ада. Нет, вы не подумайте, она не молоденькая девушка, ей примерно столько же, сколько и мне, но с ней мужу интересно. Потому что эта женщина – такая же акула бизнеса, как и он. Они очень быстро соединили два собственных дела и стали работать вместе, да и не только работать, – горько заключила Ольга.

– Вы развелись? – спросил случайный собеседник.

– Нет, – качнула головой Ольга. – Муж пугает меня, что если я вздумаю подать на раздел имущества, то он наймет лучших адвокатов и оставит меня ни с чем. Заблокировал все карты и выдает десять тысяч рублей в месяц на жизнь. Спокойно разгуливает по городу со своей Адой, как будто я

умерла. А я что, куда я теперь, кому я нужна? У меня нет ни накоплений, ни недвижимости, ни профессии, а самое главное, за годы подчинения мужу я забыла, что такое самостоятельность. Я даже принимать решения не умею сама, всего боюсь. Боюсь его бросить и уйти, начать новую жизнь, терплю унижения и снова боюсь.

Ольга не сказала незнакомцу главного: что она не просто терпит и боится, что она до сих пор любит своего мужа, несмотря ни на что надеется, что однажды он вернется. Любит настолько сильно, что готова терпеть всё, лишь бы он не развелся с ней. Видимо поняв это, муж просто перестал замечать бывшую жену, она стала раздражать его как старый неудобный диван, который вроде бы надо поменять, вынести на помойку, но тратить время на это жутко не хочется.

– Почему ваши сыновья вам не помогут? – задал резонный вопрос мужчина. Он перестал улыбаться и теперь очень внимательно слушал Ольгу.

– Вы знаете, мне всегда нравилось, что у меня мальчики. Я была уверена, что родила себе защитников, которые никогда не дадут мать в обиду, но это оказалось не так. Они женились и теперь защищают свои семьи, а мама... Что мама? В конце концов, это ее проблемы, пусть разбирается с отцом сама. Да я и сама не хочу вовлекать их в это, потому что они все еще зависят от отца материально. Сыновья работают на фирме, где командует их отец в союзе с Адой, все всё понимают, но молчат, чтобы не портить отношения. Пусть хоть у них не

будет проблем. Я сама в этом виновата, я сама растворила свою жизнь в чужой, а так делать нельзя, это грех, и Господь наказывает за это не меньше, чем за иные смертные грехи, – сказала Ольга без всякой злобы.

– Простите меня, – вдруг сказал собеседник, чем вывел ее из мрачных рассуждений.

– За что? – удивленно спросила она.

– Я немного соврал вам. Разрешите представиться: меня зовут Алексей Кропоткин, я представляю агентство «Дилетант». Мы работаем по методике гениального ученого, он создал систему, когда люди разных профессий, подобранные по психотипу, могут расследовать практически любое преступление. Сейчас у нас новое дело, и программа нам предложила вас как одного из возможных участников новой миссии. Это не опасно и, поверьте моему опыту, даже очень увлекательно. По окончании миссии, а она не длится больше пяти-семи дней, выплачивается крупный гонорар. Пока вы не прошли отбор и не подписали договор, не могу назвать сумму, но поверьте, это очень хорошие деньги. Если же миссия пройдет удачно, – а у нас статистика девяносто восемь процентов раскрытых дел, – то агентство еще организовывает «финики» для участников, бонус, если сказать проще. В вашем случае я обещаю хороших адвокатов для бракоразводного процесса, я займусь этим лично.

Ольга сидела и не могла понять, что происходит. Человек говорил просто и ясно, и не было похоже, что это какой-то

обман. Его мимика и жесты говорили, что Алексей Кропоткин – это реальное имя, и вообще он сейчас говорит исключительно правду. Но наряду с этим, его рассказ звучал фантастически, как сюжет из детективных сериалов, которые она так любила смотреть одинокими вечерами.

– Вот мой паспорт. – Мужчина достал и протянул Ольге свой документ. – Вы можете посмотреть и увидеть, что у меня есть жена, сын и московская прописка. От вас ведь не убудет, если мы сейчас с вами прокатимся до нашего офиса в Перово? Вокруг масса людей и достаточно светло. Там вы поговорите с моим шефом, Зинаидой Звягинцевой, она внучка того самого гениального ученого, который придумал эту программу, и поймете, что мы не враги вам, и, вероятно, даже сможем стать друзьями.

Заметив, что женщина по-прежнему сомневается, Алексей вздохнул и выдвинул последний аргумент:

– Мне не хотелось вам говорить, пока вы не пройдете тест в офисе, но вы, Ольга, мне очень симпатичны, и я на самом деле хочу вам помочь. Возможно, участие в нашей миссии единственное, что может вытащить вас из вашей непростой жизненной ситуации. Итак, вы же знали Виталия Галопова? – спросил он и умолк в ожидании ответа.

– Да, – ответила Ольга неуверенно, – мы учились вместе в институте, после были на практике.

– А еще он был в вас влюблен, и вы были тем самым, единственным человеком, которому он полностью доверял, –

озвучил Алексей данную информацию как факт, и Ольга смутилась. – Так вот, вчера он покончил жизнь самоубийством, перед этим Виталий был у нас в офисе. Я не могу сейчас сказать вам всего, но это дело связано с вашим институтским другом и вашей общей практикой на Алтае много лет назад. Ну же, решайтесь, что вам терять? Любовь мужа, которой больше нет, благосостояние, что вам не принадлежит, или нелюбимый кофе в любимом кафе раз в неделю?

– Я не готова, мне страшно, – произнесла женщина растеряно.

– Наверняка в детстве мама вам говорила, что вы особенная, что вы лучшая, и что для вас уготовано нечто такое, чего вы даже не можете представить. Это ваш шанс, сама судьба вам дает почувствовать себя личностью, вы еще молоды и можете все изменить.

Мелкими кадрами у Ольги перед глазами пробежала ее осознанная жизнь. Дети, муж, садики и школьные собрания, градусники и разбитые коленки, наглаженные рубашки и запах пирога. Единственное, чего было так мало в этих воспоминаний – так это самой Ольги, словно бы она не жила, а была лишь рабочим, меняющим декорации на съемочной площадке.

– У вас есть шанс, прожить вторую половину своей жизни так, как хотите, вы, не оглядываясь на мужа и не спрашивая у него разрешения. Это страшно, но это единственная возможность. Вспомните, как детстве на вышке бассейна стра-

шен лишь первый шаг, а там – наслаждение полетом и вода, которая нежно придерживает вас, чтоб вы не разбились о кафельное дно, и выталкивает наверх, чтобы вы могли вдохнуть воздуха. Решайтесь, дальше жизнь обязательно вас подхватит и вытолкнет для наслаждения.

На самом деле Ольга не слушала его доводы, думая о другом.

– Я рискну, – сказала она и сама испугалась своего решения.

– Вот и славно, моя машина за углом, – сказал мужчина довольно.

– Секунду, – остановила она Алексея и взяв со стола салфетку что-то быстро стала на ней писать. Закончив, она протянула ее подошедшему официанту. – Молодой человек, здесь написаны мои данные, а также данные молодого человека, с которым я сейчас уеду. Если я не позвоню в кафе вечером, передайте эту информацию полиции и скажите, что меня похитили.

Официант застыл, не зная, как реагировать, а Алексей рассмеялся.

– Вы мне нравитесь, – повторил он и галантно подал ей руку.

Хоть все выглядело нереальным, женщина решила воспринимать происходящее как знак свыше и плыть по волнам.

Глава 5

*Чтобы дойти до цели, надо прежде всего идти.
Опоре де Бальзак*

Зина стояла в аппаратной и печально смотрела через тайное окно, замаскированное под телевизор, на странную парочку в приемной. В глазах как будто был песок, и девушка постоянно их терла, делая тем самым еще хуже.

Ее команда работала всю ночь, и потому вчерашний день словно бы и не заканчивался, а тянулся, как резиновый, дополняя свою историю новыми происшествиями. Зинаида бегала по городу, добывая нужные, как ей казалось, сведения, а ребята искали «дилетантов». Только что позвонил Эндрю и сказал, что программа наконец одобрила всех членов группы для новой миссии, и Зина сразу же рванула в «избу». Но увидев будущих коллег, ни радости, ни уверенности Зинаида Звягинцева почему-то не испытала. Группа, в составе которой ей в том числе придется путешествовать на таинственный Алтай, выглядела, как минимум, комично.

Вчера, когда они уже поздно вечером собрались в «избе», то стоял лишь один вопрос: под какое дело составлять запрос на группу? Программа не может разорваться и решать две задачи одновременно, даже если они находятся в одном месте.

– Я предлагаю все же взять в заказчики Феликса, – предложил Эндрю. – Здесь мы хоть как-то можем сформулировать задачу, а иначе что мне писать? Не дать нехорошим людям открыть врата ада, так? Боюсь, даже искусственный интеллект просто покрутит пальцем у виска.

– Во-первых, я не верю в совпадения, – протянула Зина задумчиво, – а во-вторых, теперь я уже не смогу бросить дело Виталия Галопова. Он все очень точно рассчитал, отдал мне деньги и, чтобы я не успела отказаться, выпрыгнул из окна. Видимо, был уверен, что «черные археологи», как он их называл, его всё равно найдут.

– Как-то уж очень радикально, – пожал плечами Эндрю и поправил очки.

– Ты не понимаешь, – сказала Зина с сожалением. – Да и я не сразу это поняла: он безусловно верил в эти врата и винил себя за то, что нашел их. Но больше всего он винил себя за доверие не тем людям. Он решил, что помешать этому можем только мы, и поэтому был готов на всё. Им двигала стопроцентная уверенность, а такие люди способны на всё. Это как солдат в бою: он идет на смерть именно из-за веры. Он верит, что защищает свою Родину, свою семью, своих потомков, свою веру, в конце концов, и потому даже сознавая, что его ждет впереди, идет, не боясь ничего, потому что с ним вера. А вера, как написано в Библии, горами движет.

– Но откуда ему было знать, что ты не откажешься? На свете много разных людей, и ты вполне могла оказаться од-

ной из тех, кто бессовестно прикарманил бы деньги, даже не думая приступить к работе, – предположил Алексей. Было в их команде такое правило: при обсуждении будущей работы всё и всегда подвергать сомнению. – Сложноватая схема, как мне кажется.

– Согласна, – кивнула Зина. – Но лучшая возможность узнать, можешь ли ты доверять человеку – довериться ему.

– Хорошо сказано, шеф, – оценил Эндрю, не отрываясь от монитора.

– Это не я, а Хемингуэй, – Зина не стала присваивать себе чужие лавры. – Так вот, Виталий Галопов использовал этот шанс. А еще он очень боялся своих «черных археологов», он что-то нес про смерть в их глазах, но я в такое не верю. Думаю, он подслушал и как-то по-другому понял их слова о своей невеселой участи после того, как поможет им – оттуда и страх.

– Значит, мы должны оправдать его доверие и найти этих нехороших любителей древности, – развел руками Алексей. – Только в этом деле масса неизвестных. Кто хочет открыть портал в Ад? Зачем им это? Насколько эти люди уже продвинулись? И главный вопрос: на что они готовы пойти?

– Ну, судя по самоубийству Виталия Галопова, они готовы зайти далеко, – рассудил Эндрю. – И люди эти не очень хорошие.

– Или наш Виталий просто сумасшедший, – выдал свой вариант Алексей, – что тоже, вполне вероятно, и никаких

«их» попросту не существует.

– Вот вы сейчас гонитесь за двумя зайцами, – вставил обиженно Феликс. – Рассуждаете про какой-то Ад, а не про исчезновение девушки.

– Правильно говорит Феликс, – согласилась с другом Зина. – Установка такая: мы с вами ищем девушку по имени Тира. Ей около тридцати, и она предположительно врач-психиатр. По словам Феликса, прекрасно владеет гипнозом, – Зина взглянула на Есупова.

Все молчали, но эта тишина говорила лишь о том, что все согласны с формулировками и задачами и ждут дальнейших распоряжений.

– Далее, – продолжила Зина, поняв, что возражений нет, – в программу вобьешь как константу меня и Феликса. – Это она уже давала указания Эндрю, который параллельно с разговорами продолжал работать на компьютере.

– Ну, тебя еще ладно, – отозвался он. – Ты по психотипу универсал, но Феликса-то как вбивать?

– Не скромничай, на Ольхон же ты себя как-то вписал, – припомнила ему Зинаида, и Эндрю покраснел. – Вот и с Феликсом поработай, без него нам всё равно дороги туда нет. И вот еще что: обязательно добавь в формулировку – плато Акон, горный Алтай.

Время уже давно перевалило за полночь, но ни у кого сна не было ни в одном глазу.

– Алексей, ты должен до утра, пока программа думает,

проштудировать все записи, что оставил нам Галопов. Они в пакете с деньгами. И сделать для меня выдержку главных тезисов, лучше в форме таблицы. В записях должно быть описание как сначала найти, а потом запечатать этот портал навсегда. Он вчера хотел мне открыть эту тайну, а я не стала слушать, решив, что всё это бред, и мы на следующий день ему откажем. Но когда Виталий Галопов хотел меня посвятить в это, он полез в записи, значит, информация всё же где-то там. И еще, найди мне единственного, кому доверял наш заказчик, возможно, он знает больше.

– Понял, шеф, – козырнул понятливый подчинённый и, достав из сейфа увесистый пакет, тут же углубился в бумаги.

– А я? – спросил Феликс. – Давай я тоже что-нибудь поищу и проштудирую.

– Для тебя, милый мой, самая сложная задача, – сказала Зина. – Подумай, как ты введешь в цирковые номера людей без опыта, чтобы это не бросалось в глаза. Мы должны быть командой, а не сборищем странных индивидов, вызывающих подозрение, иначе нас раскусят, и тогда всё расследование полетит в тартарары.

И вот, сейчас, спустя пятнадцать часов после того разговора, смотря через тайное стекло на тех, кого выбрала программа, Зина подумала, что накаркала. Даже Феликс, ответив ей ночью снисходительно, что, мол, это не проблема, сейчас тоже вглядывался в женщин, сидящих в гостинной, и вы-

глядел озадаченным.

В креслах, молча, настороженно поглядывая друг на друга, сидели две дамы приблизительно одного возраста – лет пятидесяти. Одна – стройная блондинка, интеллигентная и напуганная. Другая – полноватая шатенка, простая, но с искрой в глазах. Зина знала этот блеск и даже боялась его, ведь такие люди были готовы на самые бесшабашные поступки, а это в их деле не всегда хорошо. Даже на первый взгляд женщины казались полными противоположностями друг другу. И на тот же первый взгляд никак не могли сойти за ассистенток фокусника.

– Для поиска пропавшей девушки программа составила группу из четырех человек, – докладывал Эндрю, встав у тайного окна рядом с Зиной. – Ну ты же понимаешь, что Феликса пришлось взять за константу, его кандидатура не обсуждалась. Тогда моя старушка подумала и выдала трех дополнительных к нему «дилетантов». Первый – логик, на эту роль она без труда одобрила тебя. Но сложность начинается, как всегда, на новых «дилетантах», и тут моя трудяга выдала совершенно невообразимое. Третий «дилетант» – это археолог, предполагаю, это потому, что я все-таки вбил в условия задачи историю принцессы Ак-Кадын.

– Надеюсь, без сказок об адских вратах? – встрепенулась Зина.

– Обижает, шеф, – хмыкнул Эндрю, – только официальную информацию с сайта музея Горно-Алтайска, где сейчас

наша принцесса и находится. Как нашли, сколько ей лет, и что еще было вместе с ней.

– На место «дилетанта-археолога» Ольгу Сурикову предложил я, – вставил Алексей, не отрываясь от бумаг. – Когда ты велела узнать всё о посетителе, я выяснил, что он был одинок. Всю свою жизнь так и прожил бобылем, и была у него лишь одна любовь, которую он не смог забыть – однокурсница Оля Сурикова, и он до конца дней поддерживал с ней связь. Кстати, ее фото тридцатилетней давности было среди бумаг, что он нам оставил. Они вместе проходили практику на археологических раскопках погребения нашей принцессы. Я предположил, что Сурикова и есть тот единственный человек, которому доверял Галопов. Сразу скажу, что археолог она только по диплому, потому что ни дня не работала по специальности, и ее знания ограничиваются институтом и той самой практикой на плато Укок, но мне показалось, что ее связь с Виталием Галоповым здесь важнее. Я решил с ней встретиться и, знаешь, обнаружил ее в крайне затруднительном положении. Тогда мне вспомнилось, что твой дед сказал с экрана телевизора в нотариальной конторе, где мы с тобой первый раз встретились: «Важно помочь человечеству, но еще важнее помочь конкретному человеку». Ей необходима наша помощь, как была она нужна мне, когда я пришел в нотариальную контору на оглашение завещания, Эндою, Моте. Наверное, дилетанты – это не только решение чужих проблем, но и помощь сами дилетантам. Ольга

напомнила мне себя прежнего, загнанного в угол. Поэтому я взял на себя смелость привезти Сурикову сюда.

– Программа ее одобрила. Не со стопроцентным результатом, правда, но одобрила, – подтвердил Эндрю. – Но меня больше беспокоит четвертый «дилетант», вот где, мне кажется, могла закрасться ошибка, хотя... – Он засомневался. – Программа-то «четвертого» одобрила, и вот его как раз на сто процентов.

– Мне вообще всё это не нравится, – покачала головой Зина. – Так что там с четвертым «дилетантом»? Как он может быть ошибкой, если программа одобрила и его?

– Потому что эта дама сама к нам пришла, – сказал Эндрю, и все в операторской посмотрели на него с удивлением. – Появилась у двери нашей «избы» утром, когда вы все разбежались, а я должен был искать в Сети кандидатов на четвертого «дилетанта». Программа требовала эксперта-криминалиста, тут не всё так просто, таких людей не уговоришь на сомнительную подработку. Поэтому пока моя старушка бегала по соцсетям, где, кстати, таких профилей не так много, я решил сгонять за кофе в кондитерскую. Выхожу, а там она. Говорит: «Здравствуйте, я эксперт-криминалист. Слышала, у вас есть подработка, мне сейчас очень надо». Программа полностью согласилась с ее кандидатурой, но вот у меня лично такое неожиданное появление вызывает вопросы.

– Зачем ты вообще ее завел в «избу»? – Зина еле сдерживала возмущение.

– Так она пароль назвала, – пожал плечами Эндрю.

– Какой? – неизвестно зачем спросила девушка, потому что наверняка знала ответ.

– «Знаешь, Зинка, я против грусти», – произнес помощник строчку из стихотворения Юлии Друниной, и, как всегда, от этих слов у Зины, холодок пробежал по коже.

Не справившись с волнением, девушка обернулась. Зинаиде, как и прежде, когда возникали люди с этим паролём, показалось, что она чувствует на своем затылке чей-то взгляд. Так говорил ей дед, когда хотел сказать что-то важное или успокоить, это был их семейный пароль, который, судя по всему, уже стал несколько популярным.

– Каждый раз, когда появляются люди с паролем, дела идут словно под чьим-то контролем, – сказал Алексей, буквально прочитав Зинкины мысли.

– Зато сейчас у меня не осталось никаких сомнений, – усмехнулась Зина, стараясь успокоиться. – Теперь я точно знаю, что мы поступаем верно. Идемте, будем знакомиться, вводить в курс дела и учиться делать фокусы. – У нее словно гора с плеч упала. – Эндрю, а ты выясни о ней всё, даже то, чего она сама о себе не знает.

«Самое страшное и самое тяжелое в жизни – это сомнение. Оно отравляет любое дело, и лишь когда ты точно знаешь, в какую сторону тебе двигаться, и что это твоя дорога, то всё становится легко и просто», – так говорил дед, и он был чертовски прав. Зинке сразу полегчало. Словно по-

явился свет, конечно, не в конце туннеля, а тот, что освещает путь. Пусть слабый, почти как от фонарика, но теперь, по крайней мере, можно было сделать первый шаг.

– Ты как будто рада, – удивился Феликс.

– Рада, – признала Зинка. – Теперь я знаю дорогу.

– Серьезно? – Было видно, что сейчас такое поведение Зинки не понятно только ему. Еще пять минут назад масса сомнений и полный раздрай, но всего один пароль, и она полна решимости. – Так куда нам идти?

– Вперед, – сказала Зина, первый раз за сутки улыбнувшись. – Исключительно вперед! Мы, видимо, очень нужны на плато Акон, раз нас толкают туда, не дав и шанса откатиться.

Глава 6

*Да, мне в жизни повезло, но я очень хорошо
подготовилась к этому.*

Софи Лорен

Любава Мефодьевна Лаптева чувствовала себя, как в шпионском фильме, и просто балдела от этого ощущения. Она, женщина с невыдающимися внешними данными, играла здесь даже не радистку Кэт, ей выпала роль самого Штирлица. Но эту роль женщина заслужила упорным трудом и постоянным освоением новой информации, а не выиграла в лотерею.

Оттого всё, что происходило вокруг, выглядело для нее детской игрой. Это когда во дворе собирается малышня и договаривается, кто кем будет работать. Вот какая-то выскочка кричит: «Я буду работать в магазине!» – и всё, самое интересное место уже занято. Но всегда найдется та, кто будет хитрее. Она закричит: «А я буду работать в банке и всем выдавать деньги, чтобы они ходили к тебе в магазин!» – и всё, очередь уже стоит в банк, а не к выскочке в лавку.

Любава Мефодьевна крикнула, что она шпионка, – и все, остальные, замерли в ужасе с немим вопросов в глазах: «А что, так можно было?» Любава сама не знала, что можно, она просто сделала это и только потом поняла, что получилось.

Такой уж характер был у женщины, а еще ей двигала материнская любовь. Именно она делает матерей всеильными волшебницами, ну, или Джеймсами Бондами в юбке, как в случае Любавы Мефодьевны.

Надо сказать, Любава с детства была борцом за справедливость. В многодетной семье Лаптевых среди старших братьев и сестер она была самой смелой. Девчонкой она легко шла на защиту своих, даже в тех случаях, когда силы были не равны. Быть такой смелой и ничего не бояться ей помогало чувство справедливости. Если маленькая Любава чувствовала, что правда на ее стороне, то уже не важно было, насколько силен ее противник.

Ее отец, священник маленького сельского храма, вздыхая, говорил: «Любава-Любава, нельзя биться головой о стену, можно и лоб расшибить. Стену надо научиться обходить». Но Любава эту науку так и не постигла. Всю свою жизнь она упорно разбивала себе лоб, борясь за правду. Сначала, работая в органах правопорядка будучи очень принципиальной и честной, она не шла ни на какие уступки, а потому и не получала ни званий, ни высоких должностей, а лишь одни шишки. Именно из-за этого самого обостренного чувства справедливости начальство, едва наступил пенсионный возраст, под благовидным предлогом выгнало Лаптеву на пенсию. Позже все повторилось и в частной конторе, где она проработала всего месяц, ее настойчиво отправили на заслуженный отдых, хотя сама Любава Мефодьевна этому всяче-

ски сопротивлялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.